

Правовая логика возложения убытков на контролирующих лиц

МОНАСТЫРСКИЙ Юрий Эдуардович, кандидат юридических наук
E-mail: monastyrsky@mzs.ru

Автор статьи рассуждает о юридической природе ответственности контролирующих должника лиц, нормативно общим образом регулируемой корпоративным (гражданским) законодательством и законодательством о банкротстве.

Цель исследования — аргументировать, что к названному институту не могут быть применимы положения Гражданского кодекса о том, что причинение вреда порождает обязательство, так как эта правовая категория отлична от понятия ответственности, хотя в обоих случаях речь идет о денежном возмещении.

Использованы научный анализ, сравнительные исследования, размышление о телеологической цели относимых нормативных актов и институтов субсидиарной и корпоративной ответственности.

Сформулированы выводы о желательности исправления не стыкуемых с понятиями Гражданского кодекса формулировок Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», устранения путаницы в правоприменительной практике, возникшей в результате использования неудачного нормативного материала. По мнению автора, для установления предпосылок ответственности ввиду несоблюдения обязанностей добросовестно вести дела, связанные с функционированием корпорации, в целях недоведения ее до банкротства и, более того, сохранения и приумножения ее имущества и улучшения рыночных позиций следует применять только универсальную ст. 15 ГК РФ об убытках ввиду нарушения субъективных гражданских прав.

Ключевые слова: контролирующее лицо, убытки, банкротство.

Legal Logic of a Losses Imposition on the Controlling Persons

Yu. E. MONASTYRSKIY, candidate of legal sciences
E-mail: monastyrsky@mzs.ru

This work deals with legal reasoning about nature of controlling persons' liability generally regulated by corporate and bankruptcy legislation.

The Author sets as his objective to present arguments that the said institution cannot be governed by the Chapter of torts in Civil Code of the Russian Federation. The Chapter provides that the infliction of damage creates the obligation. This legal category is different from the notion of liability, whereas pecuniary claims are in question in both cases.

The scholar used scientific analysis, comparative research, speculation on the teleological aim of the relevant normative acts and subsidiary and corporate liability institutions.

The article contains conclusions as to recommendations to improve and amend the existing statutory regulation plus existence of confusion in judicial practice as a result of unsuccessful juridical technique involvement. The Author inferred that in the instance of failure to observe duties of bona fide activities of controlling persons with the purpose of the bankruptcy state avoidance and to preserve and multiply its property and to improve its market position as a result of subjective universal civil rights breach stated in the Article 15 of Civil Code on damages must be applied.

Keywords: controlling person, damages, bankruptcy.

DOI: 10.12737/art_2019_2_8

В правовом дискурсе последнего времени много сказано о субсидиарной ответственности контролирую-

щих должника лиц: материнской компании, директоров, членов органов управления, так называемых

хозяев бизнеса, мажоритарных акционеров, участников группы, фактически управляющих компаний¹. Кредиторы в широком смысле этого слова с претензиями «о неисполнении обязательства» получили возможность неограниченного гражданско-правового преследования субъектов, прямо в отношениях с ними не состоящих. Нормы, позволяющие это сделать, всегда присутствовали в гражданском законодательстве, в частности в главном акте о банкротстве². Но некоторое время назад они стали детальнее и активнее применяться судами, и это составило крупный сегмент практики по разрешению споров, несмотря на неоднократные утверждения в отечественной

---

¹ См.: *Шиткина И., Мифтахутдинов Р., Чернышов Г.* и др. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц: новые возможности // Закон. 2017. № 8. С. 18—33; *Слоневская А. Ю.* Институт субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника-банкрота // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 1. С. 103—115; *Камышанский В. П., Тарасенко А. Н.* Некоторые проблемы института субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц // Гражданское право. 2016. № 1. С. 40—42; *Ломакин Д., Генцовт О.* Ответственность контролирующих лиц: правовая природа и механизм привлечения к ней // Хозяйство и право. 2016. № 1. С. 12—39; *Суворов Е. Д.* Субсидиарная ответственность по обязательствам должника в процессе банкротства: вопросы правоприменения // Закон. 2013. № 12. С. 148—155.

² Так, ст. 10 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве), регламентирующая порядок привлечения к ответственности «контролирующих лиц», существовала уже в самой первой редакции данного Закона, но в гораздо более упрощенном варианте, что как раз и порождало трудности в ее применении (ст. 10 Закона о банкротстве утратила силу в 2017 г. согласно Федеральному закону от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ).

юридической литературе о том, что привлечение к субсидиарной ответственности должно носить исключительный, экстраординарный характер³.

Такая правовая тенденция вроде бы должна постепенно или сразу привести к переосмыслению института юридического лица как самостоятельного отвечающего всеми своими активами, как обособленной единицы в том отношении, что оно не перекладывает имущественное бремя на учреждавших его и прочих лиц, в том числе своих управляющих. Проблема контроля над организацией изначально возникла в связи с поисками механизма привлечения к ответственности перед контролируемым лицом и его кредиторами⁴. В законодательстве правовой барьер к этому находит выражение в п. 2 ст. 56 ГК РФ: «Учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечает по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом или другим законом». Этот важный принцип позволяет рисковать, не неся ответственности, если финансовые вложения оказались неуспешными настолько, что, взяв на себя обязательства, созданный субъект не смог расплатиться или погасить их за счет своей прибыли и текущих заработков.

В основе этого канона еще с XVI в. лежит стремление предпринимательского сообщества, всегда имевшего рычаги воздействия на власть и могущего создавать организации, характеризующиеся как «объединения капиталов», пускать в оборот

---

³ См.: Пленум четко сказал, что субсидиарная ответственность применяется в исключительных случаях: интервью Р. Мифтахутдинова // Закон. 2018. № 7. С. 12.

⁴ См.: *Ломакин Д. В.* Контроль как форма зависимости юридических лиц // Хозяйство и право. 2018. № 2. С. 6.

излишки денежных средств, находясь в формальной финансовой безопасности.

Репутация, доверие к обществу, «кредит» общества измерялись в большей степени двумя факторами: собственностью, а также перспективностью бизнес-идеи, для которой оно создавалось; и в меньшей степени — людьми, которые за ними стоят, поскольку было понятно: потерпи этот проект фиаско, его создатели отвечать не будут⁵. Более того, много позже в глобальном смысле получили распространение услуги по маскированию контроля и обладания бизнесом. В России это создавало корпоративный правовой ландшафт в 1990—2000-х гг. О принадлежности целых отраслей экономики представителям предпринимательского сообщества узнавалось через СМИ в той степени, в которой они сами этого желали. Десятки тысяч офшорных компаний формально владели предприятиями в Российской Федерации. Многие из них имели вполне «заморский фасад»⁶, возглавлялись западными менеджерами, но де-факто и де-юре контроль принадлежал через трасты отечественным бизнесменам «с возможностями».

Самой крупной юрисдикцией, откуда направлялись инвестиции в российскую экономику, был малень-

кий Кипр с населением в 790 тыс. человек. Директора-юристы подписывали все правоустанавливающие документы. Наиболее массовый юридический продукт иностранных консультантов выражался в сопровождении сделок, покупке бизнеса, структурированного по английскому праву и подчиненного компетенции иностранного арбитражного трибунала. Такие постоянно культивируемые конструкции обеспечивали неуязвимость инвесторов, что подразумевало конфиденциальность владения активами, лучшие возможности для привлечения средств с помощью банков, а также эмиссии акций, облигаций, что позволяло заниматься масштабным долгосрочным развитием. Обозначенная система представляла собой адаптацию под гегемонию крупных международных банковских групп из Соединенного Королевства и США, располагающих безбрежными финансовыми ресурсами, являвшихся олицетворением движения мировых денег. Кредитные учреждения обычно участвовали в крупных проектах и диктовали договорные структуры и имена привлекаемых консультантов. Соответственно, выстраивался рынок юридических услуг с доминирующим присутствием англосаксонских фирм во всех странах — реципиентах инвестиций.

Привлечь контролирующих лиц к ответственности было малореально как в случае с банкротством, так и по причине разоряющих операций, снижающих реальную стоимость доли участия. Банкам выгоден такой режим долгов, когда реальный хозяин бизнеса недостижим для других кредиторов и миноритарных участников. Существуют и апробированы способы создания привилегированности займа путем залога, поручительства и т. д., где гарантирующим возвратность банку выступает де-факто владелец, в то время как обычные требования, возникновение которых не всегда ожи-

⁵ См.: Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях / редкол.: В. С. Ем, Н. В. Козлова, С. М. Корнеев и др. М., 2000.

⁶ В рамках доктрины снятия корпоративной вуали одним из критериев, принимаемых во внимание при решении вопроса о привлечении к ответственности собственников (учредителей) компании, является как раз «фасадный характер компании», действительные факты бизнеса скрыты за данным фасадом (подробнее см.: Егоров А. В., Усачева К. А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства — неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2013. № 6. С. 14).

даемо, чаще всего такими страхующими механизмами не обладают и, кроме того, носят спорный характер (предоставление финансов в долг или под выплату процентов создает четкое обязательство с ясным размером и проч.). Таким образом, отделение контроля от рисков было связано с комфортным для сторон финансированием.

Нормы об ответственности фактических управителей, владельцев юридических лиц существовали и в 1990-е гг. (ст. 196 «Преднамеренное банкротство» и ст. 197 «Фиктивное банкротство» УК РФ), и к 2009 г. появились возможности подавать косвенные иски о возмещении убытков участниками в пользу организации⁷. Многие годы названные институты не работали, требования не удовлетворялись, хотя неоднократно рассматривались. Причина этого — пассивность судов, требующих доказывания причинной связи, фактического влияния контроля и т. п.

Генеральную концепцию рассматриваемого института и квалификацию данного вида ответственности как субсидиарной в принципе не допускали нормы гл. 4 ГК РФ в отличие от своего прообраза — п. 3 ст. 15 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик, предусматривавшего, что в случае возникновения банкротства (несостоятельности) юридического лица в результате неправомерных действий собственника, его имущества и недостаточности средств для удовлетворения требований кредиторов ответственность по обязательствам юридического лица несет собственник.

В настоящее время схожие положения содержатся в ст. 53¹ ГК РФ, п. 1 которой устанавливает обязанность возмещения убытков, причиненных организации, по требова-

нию этого лица (1) уполномоченным выступать от его имени, (2) членами коллегиальных органов управления, (3) субъектом, который имел фактическую возможность определять действия юридического лица, а также давать указания.

Вступивший в силу 1 марта 1998 г. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» предусматривал субсидиарную ответственность учредителей или участников, которые имеют право давать обязательные указания либо возможность иным образом определять действия должника, в том числе его руководителя, за преднамеренное банкротство (п. 2 ст. 10). Размер субсидиарной ответственности определялся исходя из разницы между суммой требований кредиторов и конкурсной массой (п. 5 ст. 101).

Введенный в действие с 3 декабря 2002 г. Закон о банкротстве в первоначальной редакции п. 4 ст. 10 в целом повторил содержание действовавшего на тот момент абз. 2 п. 3 ст. 56 ГК РФ. Объем ответственности приравнивался к разнице между стоимостью требований кредиторов, включенных в реестр, и денежными средствами, вырученными от продажи имущества должника или замещения его активов (абз. 2 п. 5 ст. 129 Закона о банкротстве). Важно отметить, что понятие «фактический контроль», по мнению некоторых ученых, было внесено в судебную практику именно с принятием ст. 10 Закона о банкротстве⁸. Однако нельзя не согласиться с Д. В. Ломакиным, что формализация критериев фактического контроля неизбежно сводит такой контроль к понятию юридического контроля, придавая ему правовое основание⁹.

⁸ См.: Шиткина И. С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. 2018. № 7. С. 116.

⁹ См.: Ломакин Д. В. Контроль как форма зависимости юридических лиц // Хозяйство и право. 2018. № 2. С. 12.

⁷ См. Федеральный закон от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Федеральным законом от 28 апреля 2009 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 73-ФЗ) рассматриваемый институт подвергся существенным изменениям: в основание ответственности было положено «причинение вреда имущественным правам кредиторов» и установлена презумпция вины в наступлении этого последствия; действие Закона распространено на любые акты (сделки, решения, юридически значимые действия (бездействие) и т. п.), приводящие к приостановке исполнения обязательств должником. В Закон о банкротстве введены понятия «контролирующее должника лицо» (становящееся субъектом ответственности) и «вред, причиненный имущественным правам кредиторов». В целях определения невиновного поведения законодатель прибег к принципам-категориям «разумность» и «добросовестность», а также к критерию «согласие с интересами юридического лица» (абз. 7 п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве), которые им применяются и в последующих редакциях Закона, при этом в определенной степени данные понятия зачастую отождествляются с виной¹⁰. Суды исходят из доказанности противоправности и вины директора, если установлены неразумность и недобросовестность его действий¹¹.

Размер субсидиарной ответственности по общему правилу определялся разницей на дату закрытия реестра между размерами включенных и удовлетворенных требований кредиторов на момент приостановления с ними расчетов или исполнения текущих обязательств долж-

ника по причине недостаточности имущества (абз. 2 п. 8 ст. 10 Закона о банкротстве). При этом суду предоставлено право уменьшать размер ответственности привлекаемого лица в случае, если стоимость вреда, причиненного имущественным правам кредиторов по его вине, существенно меньше требований, подлежащих удовлетворению.

В пункте 5 ст. 10 Закона о банкротстве в редакции Закона № 73-ФЗ предусматривался вид ответственности, отличный от таковой по п. 4 той же статьи, — санкции, налагаемые на руководителя за отсутствие, неполноту либо искажение документации об имуществе и обязательствах должника.

Федеральный закон от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» восстановил в п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве положение об ответственности за доведение до банкротства. При этом специальная норма сохранила указание на контролирующих должника лиц как на субъектов ответственности и на соотношение размера ответственности с вредом, причиненным имущественным правам кредиторов. Предпосылка санкций рассматривалась за счет введения презумпции причинной связи между деянием контролирующих лиц и банкротством должника, а также детализации правил определения вины и меры ответственности. Определение ее в соответствии с размером вреда отнесено уже не к усмотрению, а к обязанности суда.

Действия (бездействие) контролирующих должника лиц, выражающиеся в неисполнении обязанностей по ведению и хранению документации должника, искажении информации о его имуществе и обязательствах, утратили свойство самостоятельного основания ответственности (п. 5 ст. 10 Закона о банкротстве (в ред. Закона № 73-ФЗ)) и были

¹⁰ См.: Егоров А. В., Усачева К. А. Указ. соч. С. 36—37.

¹¹ См.: Колесникова С. Г. Применение норм о гражданско-правовой ответственности членов органов управления и контролирующих лиц хозяйственных органов // Арбитражные споры. 2016. № 1. С. 27.

трансформированы в презумпцию доведения до банкротства, применяемую к деяниям лиц, на которых возложена обязанность организации ведения бухгалтерского учета и хранения документов (абз. 4 п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве).

С 1 сентября 2016 г. п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве дополнен новой презумпцией доведения должника до банкротства: возникновение требований третьей очереди в размере более 50% реестровой задолженности в результате привлечения должника либо его исполнительных органов к публичной ответственности (абз. 5).

Федеральный закон от 28 декабря 2016 г. № 488-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который вскоре последующим регулированием был скорректирован, не затрагивал основания субсидиарной ответственности и регулировал процедурные вопросы, связанные с рассмотрением соответствующих споров, исполнением судебных актов и распоряжением требованиями к привлеченным лицам.

Вступившим в силу с 30 июля 2017 г. п. 1 ст. 61¹¹ Закона о банкротстве (в ред. Федерального закона от 29 июня 2017 г. № 266-ФЗ) в качестве основания ответственности предусмотрена невозможность полного погашения требований кредиторов. Охват нормы вновь увеличен за счет введения новых презумпций причинной связи деяния с декларируемым вредным последствием, соотношения действия презумпций с конкретной категорией привлекаемых лиц, а также дополнения правил определения размера ответственности¹². При этом положения о приравнивании размера субсидиарной ответственности к объему непогашенных требований кредиторов

и об обязанности суда скорректировать размер ответственности сообразно размеру вреда, причиненного имущественным правам кредиторов, сохранились (абз. 1 и 2 п. 11 ст. 61¹¹ Закона о банкротстве). Редактированию подверглись статьи, регулирующие понятие контролирующих должника лиц, перечень которых стал фактически открытым¹³.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 16 постановления от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», раскрывая понятие «основание ответственности», указал, что под действием (бездействием), повлекшим невозможность полного погашения требований кредиторов, следует понимать поведение, которое стало необходимой причиной объективного банкротства, т. е. неспособности должника удовлетворить требования кредиторов, в том числе в части обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера долгов над стоимостью его активов (абз. 1 п. 4). Сформулированное Верховным Судом РФ понятие объективного банкротства не тождественно основным понятиям ст. 2 Закона о банкротстве — «несостоятельность (банкротство)», «недостаточность имущества должника», «неплатежеспособность» и служит их компиляцией¹⁴. Практика применения ст. 10 Закона о банкротстве позволяет утверждать, что суждения участников отношений и судов различных инстанций о факте и моменте наступления «объективного банкротства» всегда будут носить оценочный характер.

Важно отметить, что теперь ответственность контролирующих лиц наступает за недобросовестность и

¹² См.: Любимова Е. Е. Субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требования. Арбитражные споры. 2018. № 2. С. 61—71.

¹³ См.: Доля Г. Субсидиарная ответственность топ-менеджеров компании за налоги и невыплату заработной платы персоналу // Трудовое право. 2018. № 6. С. 19—28.

¹⁴ См.: Любимова Е. Е. Указ. соч. С. 63—64.

неразумность, при этом большинство авторов уверены, что эти важные правовые категории заменяют собой вину¹⁵.

Рассмотрим следующую ситуацию. Подлинный руководитель, выдав в преддверии процедур кредиты не ведущим деятельность организациям, уезжает за границу с целью получения там постоянной резиденции. Под уголовное преследование попадает менеджер среднего звена: члены кредитного комитета, бухгалтеры, юристы, составляющие договоры и находящиеся не наверху иерархии трудовых взаимоотношений, получающие зарплату и проч. Неизбежный сюжет в такой ситуации заключается в открытии дела о банкротстве и присуждении группы лиц к полному погашению всех требований кредиторов. Возникает любопытный феномен групповой ответственности. Цели такого положения понятны, так как более всего благоприятны для лиц, ведущих судебный процесс. Привлекаемый круг якобы причастных граждан начинает свидетельствовать либо давать показания друг на друга с целью защиты себя от строгой ответственности. Прописанная процедура установления реального дисбаланса между имуществом, формирующим конкурсную массу, и пассивами дает стимул для бросовой распродажи активов, реализация которых реалистична и не времязатратна. Поэтому в России долги перед кредиторами никогда не погашаются полностью или погашаются в мизерном проценте.

В связи с этим возникает проблема, имеющая системный и долгосрочный характер. Это неудовлетворительная работа правоохранительной системы. Любое умышленное деяние, создающее предпосылки для присвоения собственности

должника, должно влечь возбуждение уголовного дела. К этому следует относить прежде всего фиктивность операции. Умысел на присвоение есть достаточное условие для уголовной претензии. Вместе с тем нужно иметь определенное влияние и общественную значимость для того, чтобы воровство получило заслуженную правовую оценку. Правоохранительные органы не имеют ресурсы и желание реагировать на каждое обращение. Однако воровство, мошенничество, умысел в присвоении имущества и денежных средств — это все же преступления.

Любопытно, что при возбуждении криминальных производств, которые все чаще открываются ввиду так называемой кампании чистки банковского сектора, состав преступления расследуется как мошенничество (ст. 159 УК РФ)¹⁶. Покупка предметов интерьера в офис по завышенным ценам с целью лишения денежных средств — это, собственно, их присвоение. Подобное поведение составляет преступление. Но это кража, может быть присвоение, а не мошенничество. Объектом посягательства должны выступать в большинстве случаев, если не всегда, денежные средства. Их качества, потребительские свойства, физическое состояние делают их основной и почти монопольной целью злоумышленников. Им, как правило, не нужны так называемые имущественные права, которым по формуле, введенной законодателем, якобы «причиняется вред», что является синонимом так называемого гражданско-правового нарушения в делах о банкротстве по отношению к участникам юридического лица и его кредиторам¹⁷. В уголовных же

¹⁵ Подробнее см.: *Новак Д. В.* Добросовестность в корпоративном праве // *Вестник гражданского права.* 2017. № 2. Т. 17. С. 13—23.

¹⁶ См.: *Шатайлюк Е.* Регулирование ответственности бенефициаров и руководителей банков за незаконный вывод активов // *Банковское обозрение. Приложение «Банк-Надзор».* 2017. № 1. С. 106—109.

¹⁷ См. подп. 1 п. 2 ст. 61¹¹ Федерального закона о банкротстве: «...причинен существен-

делах широко применяется аморфная конструкция ст. 159⁴ УК РФ.

«Вред праву кредитора» — пример ужасной юридической техники Закона о банкротстве, что не оспаривается в юридической литературе¹⁸. Полагаем, что имущественные права и обязательства как полюса связанности в юридическом поле не могут стать предметом вреда. Речь должна идти о широком понятии нарушения субъективного права лица, и не только имущественного. По букве ГК РФ (ст. 128) нарушение авторства, несанкционированное использование товарного знака, распространение порочащих сведений не создают вред имущественному праву, но умаляют материальное и прочее благо.

Итак, предприниматель, потерявший выгодные кредиты и добившийся победы в суде, из-за того что конкурент назвал его в известных кругах мошенником, контрагентом, использующим черную магию или не чистым на руку, никак не должен по формуле регулирования попадать в группу кредиторов дела о банкротстве. В названную категорию не должен входить производитель стройматериалов, если кто-либо, используя чужую мировую репутацию, применил его товарный знак и если первый по суду получил решение о выплате компенсации за несанкционированное обогащение за счет его интеллектуальной собственности. Утверждается, что за неудовлетворение требований кредиторов общества ввиду причинения вреда их

ный вред имущественным правам кредиторов в результате совершения этим лицом или в пользу этого лица либо одобрения этим лицом одной или нескольких сделок должника (совершения таких сделок по указанию этого лица), включая сделки, указанные в статьях 61² и 61³ настоящего Федерального закона».

¹⁸ См.: Гутников О. В. Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве // Закон. 2017. № 1. С. 32.

правам должна наступать деликтная ответственность в соответствии с гл. 59 ГК РФ, как и за нарушение корпоративных прав¹⁹. Встречается, однако, и другая точка зрения, рассматривающая субсидиарную ответственность в качестве внедоговорной, но не деликтной²⁰.

В настоящей работе мы хотели изложить мнение о единой правовой логике возложения убытков на контролирующих лиц.

Ответственность существует в виде штрафов, уменьшения покупной цены, возложения расходов на ремонт, присуждения убытков. Она же наступает ввиду нарушения обязательств, а также в силу указания в законе. Ученые-теоретики говорят о том, что еще есть ответственность за правомерное действие, но она возможна лишь в случаях, указанных в законе, например ввиду крайней необходимости²¹. Отсюда формулируется расширительный вывод от противного: за правомерное действие без специального указания в законе отвечать невозможно.

Прежде всего важно отметить, что упомянутая фраза находится в главе о деликтах, предусматривающей ответственность только за неисправление, утрату и повреждение чужого имущества. В ней же сказано, что вред, нанесенный ис-

¹⁹ См.: Егоров А. В., Усачева К. А. Указ. соч.; Гутников О. В. Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: необходимость реформ // Адвокат. 2016. № 9. С. 5—13; Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 198; Пленум четко сказал, что субсидиарная ответственность применяется в исключительных случаях: интервью Р. Мифтахутдинова. С. 12; Гутников О. В. Возмещение убытков в деле о банкротстве: новые виды ответственности или неудачное использование известных институтов? // Хозяйство и право. 2018. № 1. С. 18—30.

²⁰ См.: Шиткина И. С. Указ. соч. С. 131.

²¹ См.: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2009. С. 285 и далее.

точником повышенной опасности, возмещается без вины владельцем (ст. 1079 «Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих» ГК РФ). Это на самом деле массовый случай несения ответственности за правомерное поведение²². Вместе с тем ответчиками также в силу регулирования могут быть те, кто таковыми названы — страховщик, доверитель перед нанятым коммерческим поверенным — и он же перед ним, заказчик возмездных услуг и т. п. При несанкционированном использовании интеллектуальной собственности в силу неведения отвечает предприниматель, т. е. кто-то создает производство, используя чужое средство индивидуализации, не зная даже о его существовании, и он как коммерсант должен платить убытки, не совершая правомерных действий. Противозаконность, невозможная без виновности, должна влечь ответственность. Последняя также наступает в силу регулирования, когда нет ни вины, ни неправомерности, ни больших убытков (предпринимательский штраф).

Вернемся к структуре, логике и правовым основаниям ответственности контролирующих субъектов, т. е. возложения отрицательных имущественных последствий для кредиторов на других лиц. Ответчики, возмещающие убытки, в данном случае причинение вреда и повреждение имущества, в подлинном смысле слова, этого не совершали.

В настоящее время преобладают соображения о прямой деликтной ответственности²³ при косвенных исках и особой субсидиарной ответственности, когда контролирующие

лица привели к утрате полноценного функционирования организации. Мы утверждаем, что названные правовые институты представляют собой выражение последовательного воплощения принципа полного возмещения и восстановления субъективных прав, и в плане условий возложения убытков правовые претензии по своей доктринальной сути едины.

Кредиторы при так называемой субсидиарной ответственности и участники при косвенных исках утрачивают не только имущество, но и ценность субъективного права. Контролирующие лица становятся обязанными к ее восстановлению лишь при причастности и виновном поведении. Эта ситуация должна регулироваться ст. 15 ГК РФ, но ни в коем случае не гл. 59 ГК РФ о прямой деликтной ответственности.

В свете изложенного правовая формула «нарушение имущественных прав кредиторов» как юридический повод для взыскания именно вреда звучит диссонансно и противоречит, как представляется, цивилистической теории. Прежде всего отметим, что имущественное право как единственный названный объект ущерба вообще не выражает всего многообразия поводов ставить вопрос о привлечении так называемых контролирующих лиц к возмещению убытков. Имущественное право — важнейший, но не единственный вид имущества. Можно сразу указать на то, что в обороте присутствуют также вещи, другие блага.

Деликт влечет возникновение обязательства (ст. 1064 ГК РФ), но суд также вправе присудить убытки, включая упущенную выгоду (ст. 1082 ГК РФ). Договор с участием банкрота может не нарушаться, когда сроки исполнения обязательств еще только подошли. В названных обстоятельствах возникает право требования участника, кредитора, которое по своему содержанию, несмотря на не-

²² Подробнее см.: Рожкова М. А. Об источнике повышенной опасности // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2002. № 2. С. 88—100.

²³ См.: Егоров А. В., Усачева К. А. Указ. соч. С. 34—35.

платежеспособность, остается таким же имуществом. А вот что точно нарушается, так это субъективное гражданское право лица в виде естественного прекращения, частичного непогашения, уменьшения ценности денежной претензии, либо рыночного веса корпоративного права.

Обратимся к вопросу о катастрофической юридической технике в Законе о банкротстве, разумеется, с учетом последних изменений, уводящих в сторону от правового понимания базовых юридических категорий. Начнем с чересчур оригинального описания термина «несостоятельность» (абз. 2 ст. 2 Закона о банкротстве) — устанавливается сумма денежных обязательств, хотя лучше было бы употребить слово «долг». При этом не надо было использовать прилагательное «денежный». Смысл написанного в том, что, например, не может влиять на определение неплатежеспособности судебный вердикт. Подтверждаемое юрисдикционным органом требование может быть весьма значительным, но это не обязательство, как иногда упоминают в юридической литературе²⁴, а долг в узком значении этого слова, происходящий из судебного решения. Он монетизируется, так как в этом виде понятен его имущественный размер. Конечно, слово «долг» производно от глагола «должен», куда входят любые действия, ожидаемый результат которых различен. Вместе с тем ни у кого не должно вызывать сомнения, что в контексте законодательства о банкротстве это означает необходимость исполнения именно денежного требования. Кстати, термин «обязательство», определенный в том числе как обязанность, предусмотренная бюджетным законодательством, называется отнюдь не денежным обязательством, а обязанностью по уплате обязатель-

ных платежей согласно все тому же абз. 2 ст. 2 Закона о банкротстве. Поражает тавтология и повтор однокоренных слов. Дальше — больше: кредиторы — это лица, востребующие в том числе обязательные платежи, которые названы не денежным, а иным «обязательством» (абз. 7 ст. 2 Закона о банкротстве).

Конкурсными кредиторами могут быть участники, не получившие платежи (абз. 8 ст. 2 Закона о банкротстве). Корпорация в соответствии с решением своих органов должна выплатить дивиденды, но это не может считаться обязательством, поскольку решение собрания — это не сделка, а в ГК РФ не сказано, что из-за решений собрания могут возникнуть обязательства. Однако ст. 307¹ устанавливает в п. 3, что общие положения об обязательствах применяются к требованиям, возникшим из корпоративных отношений, которые также имеют относительный характер²⁵. Между тем эта норма отсылочная, свидетельствующая как раз о том, что корпоративные отношения — не обязательственные.

Как упоминалось, основным, если не фундаментальным недоразумением выглядит определение вреда, причиненного «имущественным правам кредитора» (абз. 35 ст. 2 Закона о банкротстве): «уменьшение» в том числе «размера имущества». Даже сторонники классификации «вреда правам кредитора» в качестве деликта полагают, что такое толкование уменьшения имущества является преждевременным²⁶.

Конструкция деликтной ответственности не подходит по нескольким причинам. Классическое причи-

²⁴ См.: Егоров А. В., Усачева К. А. Указ. соч. С. 32—33.

²⁵ Подробнее см.: Шиткина И. С. Ответственность в корпоративных правоотношениях // Хозяйство и право. 2015. № 6. С. 14—40; Гутников О. В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестник гражданского права. 2014. № 6.

²⁶ См.: Егоров А. В., Усачева К. А. Указ. соч. С. 44—45.

нение вреда — это юридическое действие, порождающее обязательство по замене и исправлению вещей, которым причинен именно физический ущерб. Если его нет, необходимость совершить определенные действия не возникает, поскольку в первую очередь непонятно, что делать. Кредитор в банкротстве имеет требования, которые из-за неплатежеспособности несостоятельного юридического лица никуда не исчезают. Страдает отнюдь не имущество или не столько имущество в виде вещей и т. д., а субъективное гражданское право, в основе которого находятся ожидания кредиторов в отношении того, что произойдут или будут совершены какие-то действия, погашено требование и т. д. Контролирующее лицо, а не банкрот через проявление вины вовне становится нарушителем гражданского права, что может приводить в действие ст. 15 ГК РФ, а не раздел о деликтах, который не должен применяться, поскольку природа вреда иная. Он не может воздействовать на бестелесное имущество. По распространенному среди правоведов мнению, корпоративные права являются относительными, в них присутствуют конкретные должники и кредиторы, в то время как вредитель имущества — участник абсолютных отношений, хотя и считается носителем обязанностей²⁷. Трудно представить, как это третье контролирующее лицо причиняет вред имуществу кредитора посредством банкротства. Сложно также вообразить деформацию таких корпоративных обязанностей, срок исполнения которых неизвестен, а существо не является определимым.

В Гражданском кодексе получили закрепление механизмы страхования (в широком смысле этого

слова) кредиторов, позволяющие им просить присуждение не только с должников, правонарушителей, но и с других лиц, в первую очередь соучастников, обязавшихся по долгам, несущих ответственность в силу закона, названных альтернативными, субсидиарными, солидарными адресатами требования и т. д. Таковы инструменты, которые все шире вводятся для укрепления устойчивости оборота, справедливого распределения бремени имущественных тягот и потерь лиц, полагавшихся на законопослушное поведение, возложения риска утрат на иных субъектов, сохранности имущества и материального положения. Фундаментальное правило, согласно которому за нанесение ущерба отвечает причинитель и более никто, неприемлемо для «целей укрепления имущества», сохранения материальных и иных благ. Оно с момента появления законодательств так называемых цивилизованных народов в XIX в. дополнялось положением о возмещении лицами, особо названными в законе: представляемыми, опекунами, работодателями и т. п.

Но этими случаями возложение ответственности на невиновное лицо не исчерпывается. Потребности зывали к жизни договорные конструкции, страхования, поручительства и иные, при которых независимо даже от известности основного должника, который может быть тайным, не найденным преступником, убытки, утраты возмещаются. По этой причине деликтная ответственность имеет слишком узкие рамки для того, чтобы охватить и дать правовой фундамент современным юридическим конфигурациям ответственности, например при банкротстве и т. п., так как в массе эпизодов отвечать должен не тот, кто нанес ущерб.

Как раз отождествление виновной деятельности контролирующих лиц с деликтом и создает деструктивную базу для коллективной ответственности, лишаящей возможности за-

²⁷ См., например: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Ч. 2: Учебно-практический комментарий (постатейный) / под ред. А. П. Сергеева. М., 2016 (комментарий к ст. 1064 ГК РФ).

являть иск друг к другу, поскольку степень их противоправности и роль всегда разные, а требование контролирующего лица, проявившего легкую неосторожность к умышленному нарушителю, возможно только при полном возмещении им вреда, а не раньше (ст. 1081 ГК РФ).

В силу ст. 15 ГК РФ у некоторых лиц могут возникать убытки в виде «расходов», которые им «предстоит понести». Статья 15 ГК РФ позволяет взыскивать с виновника убытки вне договорных и деликтных взаимоотношений. К сожалению, в ключевых законах уже приняты понятия, мешающие утверждению этой простой и понятной логики. Имеет место, например, определение «сделка принесла вред»²⁸. Итогом этой терминологии является положение, способное сделать взыскание убытков в сфере банкротства и в корпоративной области неработоспособным.

Главной целью процедуры несостоятельности является форми-

рование конкурсной массы за счет возвращения активов и оспаривания сделок (гл. III¹ Закона о банкротстве). Хаос, который породил Закон о банкротстве, на практике вызвал правовую неопределенность и разноречивость в действиях судов, а также сделал юридическую деятельность в сфере несостоятельности самой непрогнозируемой, по признанию многих практикующих юристов. Реальность состоит в том, что оспариваются переводы денежных средств как сделки с целью реституции, присуждаются к выплатам непричастные физические лица, которые могут входить в «группы контролирующих» и поэтому отвечающих солидарно. В результате они, имея такую перспективу, в панике переводят средства и покидают страну.

Закон о банкротстве в силу вышеуказанных и других соображений следует полностью переписывать. В доктринальное и законодательное понимание природы ответственности контролирующих лиц необходимо внести коррективы.

²⁸ См., например, ст. 62¹ Федерального закона о банкротстве.

Библиографический список

- Гутников О. В. Возмещение убытков в деле о банкротстве: новые виды ответственности или неудачное использование известных институтов? // *Хозяйство и право*. 2018. № 1.
- Гутников О. В. Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: необходимость реформ // *Адвокат*. 2016. № 9.
- Гутников О. В. Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве // *Закон*. 2017. № 1.
- Гутников О. В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // *Вестник гражданского права*. 2014. № 6.
- Доля Г. Субсидиарная ответственность топ-менеджеров компании за налоги и невыплату заработной платы персоналу // *Трудовое право*. 2018. № 6.
- Егоров А. В., Усачева К. А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства — неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2013. № 6.
- Камышанский В. П., Тарасенко А. Н. Некоторые проблемы института субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц // *Гражданское право*. 2016. № 1.
- Колесникова С. Г. Применение норм о гражданско-правовой ответственности членов органов управления и контролирующих лиц хозяйственных органов // *Арбитражные споры*. 2016. № 1.
- Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Ч. 2: Учебно-практический комментарий (постатейный) / под ред. А. П. Сергеева. М., 2016.
- Ломакин Д. В. Контроль как форма зависимости юридических лиц // *Хозяйство и право*. 2018. № 2.

Ломакин Д., Гентовт О. Ответственность контролирующих лиц: правовая природа и механизм привлечения к ней // *Хозяйство и право*. 2016. № 1.

Любимова Е. Е. Субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требования. Арбитражные споры. 2018. № 2.

Новак Д. В. Добросовестность в корпоративном праве // *Вестник гражданского права*. 2017. № 2. Т. 17.

Пленум четко сказал, что субсидиарная ответственность применяется в исключительных случаях: интервью Р. Мифтахутдинова // *Закон*. 2018. № 7.

Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2009.

Рожкова М. А. Об источнике повышенной опасности // *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. 2002. № 2.

Слоневская А. Ю. Институт субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника-банкрота // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2017. № 1.

Суворов Е. Д. Субсидиарная ответственность по обязательствам должника в процессе банкротства: вопросы правоприменения // *Закон*. 2013. № 12.

Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014.

Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях / редкол.: В. С. Ем, Н. В. Козлова, С. М. Корнеев и др. М., 2000.

Шатайлюк Е. Регулирование ответственности бенефициаров и руководителей банков за незаконный вывод активов // *Банковское обозрение. Приложение «БанкНадзор»*. 2017. № 1.

Шиткина И. С. Ответственность в корпоративных правоотношениях // *Хозяйство и право*. 2015. № 6.

Шиткина И. С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // *Закон*. 2018. № 7.

Шиткина И., Мифтахутдинов Р., Чернышов Г. и др. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц: новые возможности // *Закон*. 2017. № 8.

References

Dolya G. Subsidiarnaya otvetstvennost topov kompanii za nalogi i nevyplatu zarabotnoy platy personalu [Subsidiary liability of company tops for taxes and non-payment of staff wages]. *Trudovoe pravo*, 2018, no. 6, pp. 19—28.

Gutnikov O. V. Deliktnaya otvetstvennost za narushenie otnositelnykh prav: perspektivy razvitiya v rossiyskom prave [Tort liability for violation of relative rights: prospects for development in the Russian law]. *Zakon*, 2017, no. 1, pp. 22—37.

Gutnikov O. V. Subsidiarnaya otvetstvennost v zakonodatelstve o yuridicheskikh litsakh: neobkhodimost reform [Subsidiary responsibility in the legislation on legal entities: the need for reform]. *Advokat*, 2016, no. 9, pp. 5—13.

Gutnikov O. V. Vozmeshchenie ubytkov v dele o bankrotstve: novye vidy otvetstvennosti ili neudachnoe ispolzovanie izvestnykh institutov? [Indemnification damages for bankruptcy: new types of liability or unsuccessful use of well-known institutions?]. *Khozyaystvo i pravo*, 2018, no. 1, pp. 18—30.

Gutnikov O. V. Yuridicheskaya otvetstvennost v korporativnykh otnosheniyakh [Legal responsibility in corporate relations]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2014, no. 6, pp. 51—117.

Kamyshanskiy V. P., Tarasenko A. N. Nekotorye problemy instituta subsidiarnoy otvetstvennosti kontroliruyushchikh dolzhnika lits [Certain problems of the institution of subsidiary liability of persons controlling the debtor]. *Grazhdanskoe pravo*, 2016, no. 1, pp. 40—42.

Kolesnikova S. G. Primenenie norm o grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti chlenov organov upravleniya i kontroliruyushchikh lits khozyaystvennykh organov [Application of rules on civil liability of members of governing bodies and controlling persons of economic bodies]. *Arbitrazhnye spory*, 2016, no. 1.

Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [Commentary on the Civil Code of the Russian Federation]. Part 2. Ed. by A. P. Sergeev. Moscow, 2016. 384 p.

Lomakin D. V. Kontrol kak forma zavisimosti yuridicheskikh lits [Control as a form of dependence of legal entities]. *Khozyaystvo i pravo*, 2018, no. 2, pp. 3—20.

Lomakin D., Gentovt O. Otvetstvennost kontroliruyushchikh lits: pravovaya priroda i mekhanizm privlecheniya k ney [Responsibility of controlling persons: legal nature and mechanism of bringing to it]. *Khozyaystvo i pravo*, 2016, no. 1, pp. 12—39.

Lyubimova Ye. Ye. Subsidiarnaya otvetstvennost za nevozmozhnost polnogo pogasheniya trebovaniya [Subsidiary liability for the impossibility of full repayment of the claim]. *Arbitrazhnye spory*, 2018, no. 2, pp. 61—71.

Miftakhutdinov R. Plenum chetko skazal, chto subsidiarnaya otvetstvennost primenyaetsya v isklyuchitelnykh sluchayakh [Supreme court plenum clearly stated that secondary liability is an exceptional remedy]. *Zakon*, 2018, no. 7, pp. 6—19.

Novak D. V. Dobrosovestnost v korporativnom prave [Bona fides in corporate law]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2017, no. 2, vol. 17, pp. 13—23.

Pokrovskiy I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava [The main problems of civil law]. Petrograd, 1917. 328 p.

Rozhkova M. A. Ob istochnike povyshennoy opasnosti [About the source of increased danger]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*, 2002, no. 2, pp. 88—100.

Shataylyuk Ye. Regulirovanie otvetstvennosti benefitsiarov i rukovoditeley bankov za nezakonnny vyvod aktivov [Regulation of liability of beneficiaries and managers of banks for the illegal withdrawal of assets]. *Bankovskoe obozrenie. Prilozhenie "BankNadzor"*, 2017, no. 1, pp. 106—109.

Shitkina I. S. Otvetstvennost fakticheski kontroliruyushchikh lits v korporativnom prave [Liability of de facto controlling persons under corporate legislation]. *Zakon*, 2018, no. 7, pp. 114—133.

Shitkina I. S. Otvetstvennost v korporativnykh pravootnosheniyakh [Responsibility in corporate legal relations]. *Khozyaystvo i pravo*, 2015, no. 6, pp. 14—40.

Shitkina I., Miftakhutdinov R., Chernyshov G. et al. Subsidiarnaya otvetstvennost kontroliruyushchikh lits: novye vozmozhnosti [Secondary liability: new opportunities]. *Zakon*, 2017, no. 8, pp. 18—33.

Slonevskaya A. Yu. Institut subsidiarnoy otvetstvennosti lits, kontroliruyushchikh dolzhnika-bankrota [Institute of the subsidiary liability of persons supervising the bankrupt debtor]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, 2017, no. 1, pp. 103—115.

Sukhanov Ye. A. Sravnitelnoe korporativnoe pravo. [Comparative Corporate Law]. Moscow, 2014. 456 p.

Suvorov Ye. D. Subsidiarnaya otvetstvennost po obyazatelstvam dolzhnika v protsesse bankrotstva: voprosy pravoprimereniya [Subsidiary liability for the debtor's obligations in the bankruptcy process: enforcement issues]. *Zakon*, 2013, no. 12, pp. 148—155.

Tarasov I. T. Uchenie ob aktsionernykh kompaniyakh [Doctrine of joint-stock companies]. Ed. by V. S. Yem, N. V. Kozlova, S. M. Korneev et al. Moscow, 2000. 666 p.

Yegorov A. V., Usacheva K. A. Subsidiarnaya otvetstvennost za dovedenie do bankrotstva — neudachnyy ekvivalent zapadnoy doktriny snyatiya korporativnogo pokrova [Subsidiary responsibility for filing for bankruptcy is the unfortunate equivalent of the western doctrine of removing corporate cover]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, 2013, no. 6, pp. 6—61.

